

ПАРТИЙНАЯ БИБЛИОТЕЧКА

И $\frac{4}{1608}$ С. СЛУЦКИНА

ЧТО ТАКОЕ ГОСКАПИТАЛИЗМ

РЕКОМЕНДОВАНО
АГИТПРОПОМ ЦК КП(б)У

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
ХАРЬКОВ, ул. Свободной Академии, 5.

К ПРОРАБОТКЕ МАТЕРИАЛОВ
XIV СЪЕЗДА ВКП(б)

- Л. М. Каганович** — Итоги XIV съезда ВКП(б).
Второе издание. Стр. 49. Цена 30 коп.
- С. Алыпов** — Что сказал XIV партийный съезд
о нашем внутреннем положении и очередных
задачах социалистического строительства.
(Изложено по докладу тов. Сталина).
Стр. 40. Цена 15 коп.
- С. Алыпов** — Что сказал XIV съезд партии о нашем
международном положении.
Стр. 40. Цена 15 коп.
- И. Колов** — Наши хозяйственные успехи и но-
вые отношения между классами в стране.
(Из материалов и решений XIV съезда).
Стр. 24. Цена 20 коп.
- Я. Никулихин** — О профессиональных союзах.
(Решение XIV всесоюзного съезда комму-
нистической партии (б)).
Стр. 44. Цена 20 коп.
- Л. Охотин** — Возможно ли строительство и по-
строение социализма в одной стране.
Стр. 54. Цена 40 коп.

ПАРТИЙНАЯ БИБЛИОТЕЧКА

4 $\frac{4}{1608}$ С. СЛУЦКИНА

ЧТО ТАКОЕ ГОСКАПИТАЛИЗМ

РЕКОМЕНДОВАНО
АГИТПРОПОМ ЦК КП(б)У

XXVI-17115

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

1926

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“,
Пушкинская ул., дом № 40,
в колич. 7000 экземпляров.
Укрглавлит № 322.
Заказ № 1315.

„Госкапитализм“.

Наш рост и трудности, связанные с ним.

Наряду с укреплением нашего социалистического хозяйства происходит расширение частного капитала. Происходит обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами в нашем хозяйстве; обострение это в особенности видно в деревне. Гораздо сильнее растут социалистические элементы в нашем хозяйстве, но налицо до сих пор имелся и имеется еще рост частного-хозяйственных элементов. В деревне происходит усиление, с одной стороны, новой крестьянской буржуазии, а с другой стороны,— пролетаризация бедняцких элементов. Новый буржуа, городской и деревенский, старается всеми силами отводить волны нашего хозяйственного роста в старое капиталистическое русло. На этом фронте происходят бесчисленные „бескровные бои“.

Как мы боремся с нашими трудностями.

Наши затруднения вытекают из нашего роста. В боях с новым городским и деревенским буржуа мы воюем посредством дешевых цен на товары,

посредством дешевого кредитования, посредством кооперирования миллионов, посредством лучших форм хозяйствования. Наши орудия борьбы это — постройка новых „хозяйственных и культурных Волховстроев“.

Нужны ли нам другие бои на этом фронте? Нужно ли нам употреблять способы борьбы „военного коммунизма“ против ростков капитализма? На это партия дает ясный и точный ответ. Партия говорит: такие способы борьбы не могут дать нужного развития производительных сил. У нас есть наша кооперативная, кредитная, избирательная и налоговая политика. Вот это — наши орудия борьбы и победы. Этим мы побеждаем и победим.

Своеобразие переживаемого момента и наши задачи.

XIV съезд партии произошел в момент выявившейся стабилизации мирового капитализма и в момент огромного роста нашего строительства.

К XIV съезду мы переживаем величайшее напряжение с выявившимися на основе этого роста трудностями. *Момент XIV съезда можно считать переломным в том смысле, что мы в общем и целом уже почти прошли восстановительный период в нашем хозяйстве и что мы переходим к новому подъему, к полосе нового строительства.* Новый подъем социалистического строительства означает в условиях новой экономической политики

нарастание одновременно капиталистических элементов, означает, таким образом, увеличение наших трудностей.

Какие основные задачи стали в этот момент перед партией?

Во-первых, задача — куда направить развитие производительных сил страны, как направить средства, чтобы обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, какова должна быть генеральная линия нашего развития.

Во-вторых, задача, как направить развивающуюся капиталистическую стихию в русло социализма, какие поставить преграды дальнейшему расслоению села.

Эта задача сводится, главным образом, к тому, каким образом может пролетариат овладеть основной массой крестьянства, каким образом можно создать прочный союз с середняком, вовлечь его в кооперативный план социалистического строительства и тем самым вырвать его из-под влияния кулака.

В решении этих двух основных задач съезд дал программу на основе ленинских принципов, программу, которая должна будет служить основой нашего строительства на весь период перехода от капитализма к социализму.

Какие вопросы связаны с решением этих задач?

Вокруг этих задач возник целый ряд принципиально важных вопросов, связанных и обусловленных постановкой этих основных задач. Главнейшие

вопросы следующие: 1) можем ли мы строить и построить социализм в одной стране; 2) является ли наша государственная промышленность „предприятиями последовательно социалистического типа“ или государственным капитализмом; 3) как нужно организовать бедноту, чтобы при ее помощи получить возможность союза с середняком; 4) как нужно проводить в жизнь ленинский кооперативный план; 5) как нужно регулировать состав партии в связи с приходом в ряды рабочего класса больших масс новых рабочих из деревни, не прошедших еще школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще.

Таковы основные задачи и важнейшие вопросы, стоявшие на съезде.

По этим вопросам на XIV съезде выступила новая оппозиция, во главе с т. т. Зиновьевым, Каменевым и Сокольниковым.

Корни оппозиции.

Где корни новой оппозиции?

Оппозиция имеет свои корни в общей обстановке нашей действительности.

При наличии стабилизации мирового капитализма, т. е. некоторого укрепления и усиления его, при наличии усилившегося роста капиталистических элементов, при наличии некоторой растерянности бедноты в момент ее реорганизации, при наличии усиливающейся проповеди о нашем перерождении со стороны новой буржуазии (устряловщина) — при наличии всех этих факторов, часть товарищей

поддалась напору мелкобуржуазной стихии и впала в панику. Они начали *переоценивать* наши трудности, занялись ревизией (проверкой) основ нашего строительства и, тем самым, ревизией основ ленинизма.

Ревизия основ нашего строительства выдвинула вопрос о социальной природе нашей государственной промышленности и о ее удельном весе.

Удельный вес социалистических элементов в нашей промышленности.

Об удельном весе социалистических элементов в нашей госпромышленности говорят цифры. Государственная промышленность в 1925—1926 году по сравнению с 1923—24 годом выросла на 117⁰/₀, кооперативы — на 145⁰/₀, мелко-кустарная — на 40⁰/₀, удельный вес частной промышленности падает с 3,5 до 2,7⁰/₀.

Г о д ы	Вся промыш- ленность.	В ⁰ / ₀ / ₀ ко всей промышленности ¹⁾			
		Государ- ственная	Коопера- тивн.	Мелко- кустарная	Частная
1923—1924	100	63,5	3,6	29,4	3,5
1924—1925	100	67,8	4,9	24,2	3,1
1925—1926	100	71,5	4,6	21,2	2,7

Частная промышленность является почти исключительно кустарной и ремесленной и общее значение ее в советском хозяйстве очень незначительно. Почти вся цензовая промышленность находится в руках государства.

¹⁾ Доклад Дзержинского.

Промышленность — орудие развития производительных сил страны.

Наша главная задача, задача, которая дает возможность решать и менее главные, второстепенные задачи, выражается в следующем: мы должны сделать нашу промышленность орудием развития всех производительных сил страны и в первую очередь сельского хозяйства. Во время империалистической и гражданской войны уровень народного хозяйства определялся состоянием сельского хозяйства, продовольствия и транспорта. Теперь уровень народного хозяйства определяется ростом промышленности, так как от роста последней зависит в свою очередь и транспорт и сельское хозяйство. В самом деле: восстановление путей, зданий, вагонов, паровозов, рельс — зависит от нашей металлопромышленности, от наших паровозо-и вагоностроительных заводов. Развитие сельского хозяйства, борьба с аграрным перенаселением зависит от применения электрической и механической силы и энергии — а все это может дать промышленность. Отсюда мы видим, что именно промышленность является нашим мощным орудием развития всех производительных сил страны.

А с другой стороны, наше сельское хозяйство, делаясь все более богатым, поднимаясь на ступеньки высокой интенсификации, становится все более богатым рынком для нашей промышленности. Промышленность, становясь орудием развития сельского

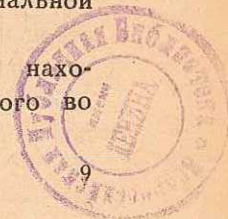
хозяйства, развивает для себя рынок, развивает для себя покупательную способность миллионов. Промышленность, как орудие развития производительных сил страны, — основная задача нашей промышленной политики.

Социальная природа государственной промышленности.

Какова же социальная природа нашей государственной промышленности?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно вскрыть сущность нашей госпромышленности, а это значит нужно рассмотреть классовые взаимоотношения; нужно рассмотреть, в чьих руках находятся средства производства; являются ли они средством эксплуатации. Как Маркс, так и Ленин учили всегда рассматривать всякое общественное явление с точки зрения взаимоотношения классов, с точки зрения отношений собственности. Рассмотреть общественное явление с точки зрения взаимоотношений классов — значит вскрыть его настоящее существо, его внутреннее содержание. Вскрывать классовую природу, классовую сущность всякого общественного явления учили и Маркс и Ленин. Не сумма средств производства, а принадлежность их к определенному классу — вот что решает вопрос о социальной природе госпромышленности.

Наша государственная промышленность находится в руках пролетариата, организованного во власть.

Что это значит? Какова разница между отношениями собственности в капиталистической промышленности и у нас?

Разница — коренная. Не понявши этой разницы, нельзя ничего понять в нашем строе, нельзя ответить на вопрос — куда мы идем, нельзя ответить на вопрос — какой у нас строй. Отношения собственности как в капиталистическом строе, так и при госкапитализме, есть отношение собственности двух классов — буржуазии и пролетариата. При капитализме и при госкапитализме средства производства находятся в руках отдельного буржуа или группы буржуазии, рабочий стоит на противоположном от буржуа полюсе без средств производства. Такова классовая сущность капитализма и государственного капитализма.

У нас, в нашей государственной промышленности нет отношения собственности двух классов. Средства производства принадлежат пролетариату, организованному во власть. Здесь новое общественное отношение, коренным образом отличное от общественного отношения в госкапитализме.

Как капитализм, так и госкапитализм в своем развитии воспроизводят, нарождают все те же классовые отношения. Это значит, что сколько бы ни развивался капитализм, он все же может существовать лишь постольку, поскольку в его машине все вновь и вновь нарождаются на одном полюсе монополисты орудий труда, а на другом — рабочие без орудий труда, имеющие лишь способность

к труду. Если бы при капитализме рабочие получали столько, что они имели бы возможность обзавестись средствами производства, да еще такими, какими можно было бы устоять против конкуренции крупного производства, то на рынке исчез бы самый необходимый товар, дающий жизнь капиталистическому обществу, исчез бы товар — рабочая сила, — и капитализму пришел бы конец. Все дело в том, что законы заработной платы в капиталистическом обществе обеспечивают вполне появление вновь и вновь на одном полюсе собственников средств производства, а на другом — рабочих без средств производства, т. е. капиталистическое общество воспроизводит то отношение людей в производстве, которое и есть отношение эксплуатации.

Наша госпромышленность в своем развитии нарождает новое общественное отношение, отношение социалистического общества, бесклассовое отношение. В этом коренная разница между социальной природой капитализма и госкапитализма и социальной природой нашей госпромышленности. Наша госпромышленность представляет предприятия „последовательно социалистического типа“ и чем больше рост промышленности, тем сильнее социалистическое строительство в нашей стране.

Оппозиция 1925 года о социальной природе нашей госпромышленности.

Под видом отстаивания позиций Ленина о госкапитализме, оппозиция 1925 года преподнесла XIV партсъезду ошибочное толкование социальной

природы нашей государственной промышленности. Оппозиция считает, что наша промышленность является госкапитализмом, а не предприятиями „последовательно социалистического типа“. Такая постановка вопроса не есть ленинская постановка вопроса. Ленин резко разделяет госкапитализм и „предприятия последовательно социалистического типа“. Ленин, как и Маркс, считал, что правильный анализ социальной природы того или иного явления можно получить, лишь разобрав отношения собственности, т. е. общественные производственные отношения. Мы не говорим, что наша госпромышленность есть уже полный социализм; мы не говорим, что там нет больше остатков капитализма. Мы не говорим, что там нет больше старых форм, но мы вскрываем сущность этих форм, мы снимаем форму, чтобы „вылупить“ содержание. Мы знаем, что так ведет свой анализ Маркс. Сущность метода и Маркса и Ленина заключается в дефетишизировании: вскрыть внешнюю форму и „вылупить“ содержание. Именно этот метод и недоступен буржуазным ученым.

Маркс, чтобы выявить сущность, чтобы показать миру отношение эксплуатации, „вылупляет“ это отношение из внешней формы, из прибыли. Вот что пишет Маркс в III томе „Капитала“ о прибыли:

„Прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее существования затемнена и изглажена. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, при чем последнюю

лишь посредством анализа удастся вылупить из первой“.

В нашей государственной промышленности нет эксплуататора и наемного раба. Рабочий работает для того, чтобы поднять свое благосостояние.

Государство берет у рабочего часть продукта для того, чтобы передать его обратно рабочему классу через образование, через расходы на здравоохранение, через расширение производства, путем закупки новых машин, постройки новых фабрик и заводов.

Что же у нас получится, если мы, по примеру Маркса, станем „вылуплять“ из прибыли на наших государственных предприятиях ее содержание? Получим ли мы отношение собственности капиталистического хозяйства? Отнюдь нет, так как в нашей госпромышленности нет отношения двух классов, а есть отношение класса к отдельным своим членам.

Некоторые товарищи делают из положения о том, что наша госпромышленность есть госкапитализм следующие выводы: нужно превратить нашу национализированную госпромышленность в промышленность смешанного типа, т. е. в настоящий госкапитализм. Таковы фактические выводы из положения, что наша госпромышленность есть госкапитализм. XIV съезд сделал другие выводы из роста нашей государственной промышленности. Съезд единодушно заявил оппозиции: Наша промышленность, будучи „предприятиями последовательно социалистического типа“, является орудием развития произво-

дительных сил страны, является орудием вовлечения крестьянства в социалистическое строительство и тем самым является орудием выполнения кооперативного плана Ленина.

Точка зрения на нашу промышленность, как на госкапитализм, подрывает основы нашего социалистического строительства. Она подрывает в корне нашу социалистическую базу.

Отрывки на тему о госкапитализме.

Госкапитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить.

(Из доклада Ленина ЦК на XI съезде РКП).

...По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делает ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги, а там написано совершенно не про то, там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим без цитат. Наша пресса, которую я попытался обозреть, готовясь к настоящему докладу по вопросу о государственном капитализме, не про то говорит и совсем мимо стреляет, глядит совершенно в другую сторону. Государственный капитализм во всей литературе

экономической, это — тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия, а у нас государство пролетарское, пролетариатом избранное, на пролетариат опирается, пролетариату дает все преимущества политические и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к власти буржуазной в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельс капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, и руководствует этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что когда мы говорим „государство“, то государство, это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство, это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны

поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков этот государственный капитализм будет. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно, экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы это дело непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным.

Два типа производства.

Из политического отчета ЦК РКП(б).

(Доклад И. Сталина).

Можно ли назвать нашу государственную промышленность госкапиталистической? Нельзя. Почему? Потому что госкапитализм в условиях диктатуры пролетариата есть такая организация производства, где представлены два класса: класс эксплуатирующий, владеющий средствами производства, и класс эксплуатируемый, не владеющий средствами производства. Какую бы особую форму ни имел госкапитализм, он должен быть все же капиталистическим по своему существу. Ильич, когда анализировал госкапитализм, имел в виду прежде всего концессии. Возьмем концессии и посмотрим, представлены ли тут два класса? Да, представлены. Класс капиталистов, т. е. концессионеров, которые

эксплоатируют и временно владеют средствами производства, и класс пролетариев, который эксплуатируется концессионером. Что здесь мы не имеем элементов социализма, это ясно хотя бы из того, что никто не посмеет сунуться в концессионное предприятие с кампанией о поднятии производительности труда, ибо все знают, что концессионное предприятие есть не социалистическое, чуждое социализму предприятие.

Взять другой тип предприятий — государственные предприятия. Являются ли они госкапиталистическими? Нет, не являются. Почему? Потому что в них представлены не два класса, а один класс, — класс рабочих, который владеет орудиями и средствами производства и который не эксплуатируется, ибо максимум того, что получается в предприятии сверх заработной платы, идет на дальнейшее развертывание промышленности, т. е. на улучшение положения всего рабочего класса в целом.

Могут сказать, что это все-таки не социализм, если иметь в виду те пережитки бюрократизма, которые сохранились в управляющих органах наших предприятий. Это замечание правильно. Но это не противоречит тому, что госпромышленность есть по типу производство социалистическое. Есть два типа производства: капиталистический тип или госкапиталистический, где есть два класса, где производство работает на прибыль для капиталиста, и есть другой тип производства, где эксплуатации

нет, где средства производства принадлежат рабочему классу и где предприятия работают не на прибыль для чуждого класса, а на расширение промышленности для рабочих в целом. Ленин так и говорил, что наши государственные предприятия есть последовательно социалистические по типу предприятия.

Тут можно было бы провести аналогию с нашим государством. Наше государство тоже называется не буржуазным, ибо оно есть, по Ленину, новый тип государства, тип государства *пролетарского*. Почему? Потому что наш государственный аппарат работает не на угнетение рабочего класса, как это имеет место со всеми без исключения буржуазными государствами, а на освобождение рабочего класса от гнета буржуазии. Вот почему по типу своему наше государство есть пролетарское государство, хотя дряни в этом государстве и пережитков старины можете найти сколько угодно. Никто, как Ленин, провозгласивший наш советский строй пролетарским типом государства, не ругал его так крепко за его бюрократические пережитки. Тем не менее он твердил все время — наше государство есть новый тип пролетарского государства. Надо отличать тип государства от того наследия и пережитков, которые еще сохранились в системе и аппарате государства. Точно так же, как следует обязательно отличать бюрократические пережитки в госпредприятиях от того типа построения госпромышленности, который у нас называется типом

социалистическим. Нельзя говорить, что, так как в хозяйственных органах или в трестах есть еще ошибки, бюрократизм и т. п., наша государственная промышленность не есть социалистическая. Нельзя так говорить. Тогда и наше государство, по типу своему пролетарское, не было бы пролетарским. Я могу назвать целый ряд аппаратов буржуазных, лучше и экономнее работающих, чем наш пролетарский государственный аппарат. Но это еще не значит, что наш государственный аппарат не есть пролетарский, что наш государственный аппарат не стоит по типу выше буржуазного. Почему? Потому что этот буржуазный аппарат, хотя и лучше работает, но работает он на капиталиста, а наш пролетарский государственный аппарат, если даже и вихляет иногда, но все же работает на пролетариат, против буржуазии. Эту принципиальную разницу нельзя забывать.

То же самое нужно сказать о государственной промышленности. Нельзя на основании неувязок и пережитков бюрократизма, которые имеются у управляющих органов наших госпредприятий и которые еще будут существовать, нельзя на основании этих пережитков и этих недостатков забывать, что наши предприятия по существу своему являются предприятиями социалистическими. Ибо на предприятиях, например, Форда, работающих исправно, там, может быть, и меньше воровства, но все-таки они работают на Форда, на капиталиста, а наши предприятия, где иногда бывает

воровство и где не всегда складно идут дела, все же работают на пролетариат.

Вот эту принципиальную разницу забывать нельзя.

„Правда“, 22 декабря 1925 г.

Изменение в соотношении различных типов нашего хозяйства.

Заключительное слово т. Сталина на XIV съезде.

Основная ошибка т.т. Каменева и Зиновьева состоит в том, что они рассматривают вопрос о госкапитализме схоластически, не диалектически, вне связи с исторической обстановкой. Такой подход к вопросу противен всему духу ленинизма. Как ставил вопрос Ленин? В 1921 году Ленин, зная, что наша промышленность мало развита, а крестьянство нуждается в товарах, зная, что ее (промышленность) сразу не поднимешь, что рабочие, в силу известной обстановки, заняты не столько промышленностью, сколько приготовлением зажигалок,—в этой обстановке Ленин считал, что лучшая возможность из всех возможностей привлечь иностранный капитал, наладить с его помощью промышленность, ввести, таким образом, госкапитализм и *через* него устроить смычку советской власти с деревней. Такой путь был тогда безусловно правилен, ибо других возможностей удовлетворить крестьянство у нас тогда не было, ибо промышленность у нас хромала, транспорт стоял, или почти стоял, не было,

нехватало топлива. Считал ли тогда Ленин допустимым и желательным госкапитализм, как преобладающую форму нашего хозяйства? Да, считал. Но это было тогда, в 1921 году. А теперь? Можно ли сказать теперь, что у нас нет нашей промышленности, транспорт стоит, нет топлива и т. д.? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что наша промышленность и торговля уже устанавливают смычку индустрии (нашей индустрии) с крестьянским хозяйством *непосредственно*, своими собственными силами? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что в области промышленности „госкапитализм“ и „социализм“ уже поменялись ролями, ибо социалистическая промышленность стала господствующей, а удельный вес концессий и аренды (первые имеют 50 тысяч рабочих, вторая — 35 тыс.) — минимален? Нет, нельзя. Еще в 1922 г. Ленин сказал, что с концессиями и арендой у нас не вышло.

Что же из этого следует? Из этого следует то, что со времени 1921 г. обстановка изменилась у нас существенно, что за это время наша социалистическая промышленность и советско-кооперативная торговля успели уже стать преобладающей силой, что смычку между городом и деревней уже научились устанавливать собственными силами, что наиболее яркие формы госкапитализма, концессии и аренда, не получили за это время серьезного развития, что говорить *теперь*, в 1925 г., о госкапитализме, как преобладающей форме нашего хозяйства, значит исказить социалистическую природу нашей

государственной промышленности, значит не понимать всей разницы между прошлой и нынешней обстановкой, значит подходить к вопросу о госкапитализме не диалектически, а схоластически, метафизически.

Не угодно ли послушать т. Сокольникова? Он говорит в своей речи:

„Наша внешняя торговля ведется, как государственно-капиталистическое предприятие... Наши внутренние торговые общества — также государственно-капиталистические предприятия. И я должен сказать, товарищи, что Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием. Наша денежная система? Наша денежная система основана на том, что в советском хозяйстве в условиях строящегося социализма взята денежная система, проникнутая принципами капиталистической экономии...“

Так говорит т. Сокольников.

Скоро он договорится до того, что Народный Комиссариат Финансов объявит он тоже госкапитализмом. До сих пор я думал, до сих пор мы все думали, что Госбанк есть часть государственного аппарата. До сих пор я думал и мы все думали, что наш Внешторг, если не считать облегающих его госкапиталистических учреждений, есть часть государственного аппарата, что наш государственный аппарат есть аппарат государства типа пролетарского. Мы все так думали до сих пор, ибо пролетарская власть является *единственным* хозяином

этих институтов. А теперь, по Сокольникову, выходит, что эти институты, являющиеся частью нашего госаппарата, являются госкапиталистическими. Может быть, наш советский аппарат представляет тоже госкапитализм, а не пролетарский тип государства, как утверждал Ленин? Отчего бы нет? Разве наш советский аппарат не пользуется „денежной системой, проникнутой принципами капиталистической экономики?“ Вот до какой чепухи может договориться человек.

Позвольте, прежде всего, привести мнение Ленина по вопросу о природе и значении Государственного банка. Я хотел бы, товарищи, сослаться на одно место из книги Ленина, написанной в 1917 г. Я имею в виду брошюру „Удержат ли большевики государственную власть“, где он стоял еще на точке зрения контроля над промышленностью (а не национализации) и где, несмотря на это, считал Государственный банк в руках пролетарского государства на $\frac{9}{10}$ социалистическим аппаратом. Вот что он писал о Госбанке:

„Крупные банки *есть* тот „государственный аппарат“, который нам *нужен* для осуществления социализма, и который мы *берем готовым* у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших Государственный банк с отделениями в каждой

волости, при каждой фабрике,—это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это—общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто в роде *скелета* социалистического общества“.

Сравните слова Ленина с речью т. Сокольникова и поймете, куда катится т. Сокольников. Я не удивляюсь, если он объявит НКФ госкапитализмом.

В чем тут дело? Откуда такие ошибки у т. Сокольникова?

Да в том, что тов. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами „капиталистической экономики“. Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с *успехом* используют их *против* капитализма, с *успехом* используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало-быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции

и назначение этих инструментов буржуазии меняются *принципиально* коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка тов. Сокольников состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов.

Позвольте теперь сослаться на Ленина в вопросе об историческом характере госкапитализма, привести цитату по вопросу о том, когда и почему он предлагал госкапитализм, как главную форму, чем он был вынужден к этому, при каких именно конкретных условиях он его предлагал.

„Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем—социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. *Это есть социализм*¹⁾. Но рядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует *независимо* от него. Почему оно может существовать независимо от него? *Потому*, что крупная промышленность не восстановлена, *потому*, что социалистические фабрики могут получить, может быть, только десятую долю того, что они должны получать; и поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны, недостаток

¹⁾ Курсив везде мой. И. Ст.

топлива, сырья и транспорта приводят к тому, что мелкое производство существует *отдельно* от социализма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм—что это такое? Это будет объединение мелкого производства. Капитал объединяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, *свобода торговли означает рост капитализма*; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена—появляется капитализм. Но *страшен* ли этот капитализм нам, *если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и международную торговлю*? И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен. Таким капитализмом являются концессии“. (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, часть I, стр. 197).

Вот как Ленин подходил к вопросу о госкапитализме.

В 1921 году, когда своей промышленности у нас почти не было, сырья нехватало, а транспорт стоял, Ленин предлагал госкапитализм как средство, через которое он думал связать крестьянское хозяйство с индустрией. И это было правильно. Но значит ли это, что Ленин считал этот путь желательным при всяких условиях? Конечно, не значит. Он шел на смычку через госкапитализм потому, что не было

у нас развитой социалистической промышленности. Ну, а теперь? Можно ли сказать, что у нас нет теперь развитой госпромышленности? Конечно, нельзя сказать. Развитие пошло по другому руслу, концессии мало привились, госпромышленность выросла, выросла госторговля, выросла кооперация, и смычка между городом и деревней стала устанавливаться через социалистическую промышленность. Мы оказались в лучшем положении, чем думали сами. Как можно после этого говорить, что госкапитализм есть главная форма нашего хозяйствования?

Беда оппозиции состоит в том, что она не хочет понять этих простых вещей.

„Правда“, 29 декабря 1925 г.

Собственность есть выражение общественных отношений.

(Доклад т. Бухарина на собрании активных работников московской организации).

Если совершенно строго говорить и спрашивать, есть ли наша госпромышленность социализм, и если давать абсолютно точные формулировки, то нужно сказать, что такого вопроса в сущности задавать нельзя, потому что под социализмом подразумевается такой порядок, такой строй, когда все хозяйство организовано. Вот это есть социализм. И с этой точки зрения, в строгом смысле слова, нельзя сказать, что какой-нибудь *кусочек* хозяйства есть социализм. Социализм это есть понятие, которое

распространяется на *все* хозяйство. Вот, если бы у нас все хозяйство в целом было организовано на основе общественной собственности на средства производства,— это был бы социализм. Значит, когда мы говорим относительно нашей госпромышленности, то мы слово социализм употребляем в некотором условном смысле,— в применении к *части* хозяйства. Как идет спор, как стоит вопрос? Я этот вопрос поставлю точно так же, как ставил вопрос относительно возможности строительства социализма в одной стране и как ставил вопрос относительно нэпа.

Прежде всего я скажу, как на это дело смотрят наши открытые враги. Возможность строительства социализма в одной стране наши противники, из лагеря меньшевиков, эсэров и проч. прямо отрицают. Насчет нэпа они все говорят, что это — капитализм, и никаких. Что же говорят насчет нашей госпромышленности наши открытые противники? Они, конечно, говорят, что здесь социализмом *и не пахнет*. Все вы отлично знаете, как ставят вопрос, например, меньшевики. Они говорят, что сейчас эксплуататором рабочего класса является государство, которое вовсе не есть пролетарское государство, а есть, как они говорят, „нэповская диктатура“. Государство, по их мнению, есть наниматель и эксплуататор, государственные предприятия — суть предприятия государственно-капиталистические или просто капиталистические, социализм здесь не при чем... Вот как воткрытую ставят вопрос наши враги.

Вы знаете также, что у *Ленина* формулировка по отношению к нашим госпредприятиям такая: они, по *Ленину*, суть предприятия „последовательно-социалистического типа“. Какую позицию в этом вопросе заняли товарищи из новой оппозиции? Они колеблются между этими формулировками, при чем одни из них почти вплотную подходят к тому, чтобы назвать наши госпредприятия госкапиталистическими, другие занимают промежуточную позицию и только некоторое время спустя, после нашей контратаки, после целого периода дискуссий в наших рядах, ими по этому вопросу было заявлено, что они „вместе с Лениным“, вместе со всеми считают наши предприятия предприятиями „последовательно-социалистического типа“.

Я, товарищи, не буду здесь цитировать то, что у вас навязло у всех в зубах: то, что говорил тов. Залуцкий, то, что говорил тов. Евдокимов, то, что говорил тов. Зиновьев в своей книге „Ленинизм“, — все то, что цитировали и в речах на съезде и в ответе Московского комитета нашей партии, в документе, который был написан в ответ на заявление ленинградской конференции. Но я позволю себе все-таки взять одну формулировку, которая принадлежит товарищу Каменеву и которая взята из его речи на съезде. В первую очередь я делаю это потому, что каменевская формулировка, мне кажется, с одной стороны, очень осторожна, а с другой стороны, она неверна и идет по линии, которая отступает от определения, данного нашей

госпромышленности тов. Лениным. Тов. Каменев говорит буквально: „по отношениям собственности наши госпредприятия социалистичны, по отношениям людей — еще нет“. Что это значит? Я считаю, что эта формулировка не-марксистская формулировка, она не соответствует действительности и поэтому неправильна.

На этой формулировке я останавлиюсь, потому что она — наиболее осторожная из оппозиционных формулировок, и тем не менее неправильная. Что хочет сказать тов. Каменев этой формулировкой? Он этим хочет сказать следующее: поскольку собственником средств производства, фабричных зданий, машин, оборудования и проч. является пролетарское государство, поскольку вопрос о собственности стоит таким образом, что собственность находится в руках рабочего класса, постольку данные предприятия социалистичны. А что касается *отношений между людьми*, то они не социалистичны. Я прежде всего должен сказать, что это *противопоставление абсолютно не выдерживает никакой критики*. А что такое собственность? До сих пор мы все, марксисты, думали, что собственность это есть отношения между людьми. Это неоднократно разъяснялось Марксом в спорах с буржуазными учеными. Что такое имущественное право, что значит, что пролетариату принадлежит собственность? Это значит, что пролетарский класс, как совокупность определенных людей, находится в определенных отношениях друг к другу и в опре-

деленных отношениях к другим людям, к другим классам.

Если мы говорим, что собственность на средства производства, на фабрики и заводы принадлежит рабочему классу, это значит, что есть определенные отношения между пролетариатом и буржуазией, что буржуазия не имеет права на эти средства производства и, следовательно, стоит в определенных отношениях к рабочему классу. Разве собственность есть отношение человека к вещам? Ничего подобного. Это старая, не марксистская точка зрения. Если один человек на голом острове будет находиться в определенном отношении к вещам, как это назвать? Тут и *не возникает* вопроса о собственности, имущественных правах и т. д. Эти вопросы возникают именно как вопросы отношения между людьми, отношения, лишь проявляющегося в отношениях к вещам.

Если мы признаем, что вопрос о собственности есть вопрос об отношениях между людьми,—а признать это полагается всякому грамотному марксисту,—то мы должны будем отрицать и то противопоставление, которое допустил т. Каменев.

Это — *первое* замечание.

Второе. Как определяет „способы производства“ такой, надеюсь, „неуклонист“, как К. Маркс? Он способы производства различает по тому, в руках каких классов находится *собственность на средства производства*. Разве это не так? Чем отличается капиталистический способ производства от феодального?

Феодальный от капиталистического? Капиталистический от социалистического? Тем, как люди относятся друг к другу в связи с вопросом о *собственности на средства производства*. Разве это не так? До сих пор мы полагали именно так и до сих пор именно *этот признак считался решающим признаком*. Если этот признак—решающий, то само собою разумеется, что когда перед нами ставится вопрос о капиталистическом, госкапиталистическом или же социалистическом характере предприятия, то вопрос о собственности на средства производства есть решающий вопрос. Если вы утверждаете, что пролетарская рука лежит на средствах производства, то вы тем самым ответили и на вопрос о социалистическом типе отношений.

Вот второе замечание.

Третье замечание. Есть известная, конечно, проблема, известный резон в постановке другого вопроса: а вот внутри фабрики отношения между людьми вполне социалистичны, такие же точно, как при развернутом социализме, или нет? Добросовестно нужно поставить и этот вопрос. Я скажу: нет не вполне. Почему? Потому что в развернутом социалистическом строе, в особенности при коммунизме, не будет *управляемых и управляющих*. Там управление будет над вещами, как выражался Энгельс, но не над людьми, т. е. не будет разницы между директором, хозяйственником и простым рабочим, между умственным трудом и физическим, между квалифицированным рабочим и неквалифици-

рованным. Это все хорошо и прекрасно. Но позвольте вас спросить: а вот, если мы возьмем такую вещь, как *пролетарская диктатура*, или *партия*, то нельзя ли и здесь поставить аналогичные вопросы?

Я беру сперва вопрос о пролетарской диктатуре. Рассмотрим его с такой точки зрения: у нас есть государственная власть, пролетарская диктатура, государственный аппарат. Все ли рабочие *поголовно* втянуты в этот государственный аппарат? Конечно, не все. А есть ли этот тип государственной власти пролетарская диктатура? Конечно, есть. Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что у нас не все готово, как яичко к христову дню. У нас далеко, далеко не все рабочие втянуты в управление производством, — это верно. Но потому, что не все втянуты, можно ли сказать, что это есть *госкапитализм*? Или, потому, что не все рабочие втянуты в процесс управления государством, можно ли сказать, что здесь есть элементы капиталистической власти? Абсолютно нет. Можно ли назвать пролетарской диктатурой власть, при которой среди рабочих есть такие, которые находятся в аппарате управления, а есть и такие, которые имеют дело только с какой-нибудь мяздрой и иногда не чувствуют еще, что они являются членами класса, стоящего у власти? Я думаю, что можно, конечно. Это есть зло, что не все втянуты в управление? Зло. Это есть проходящее явление? Проходящее. Нужно с этим бороться?

Нужно. А мешает все это такой постановке вопроса, что наша диктатура есть *пролетарская диктатура*? Или, быть может, у нас не пролетарская диктатура, а *помесь* пролетарской диктатуры с диктатурой буржуазии? Быть может, у нас не пролетарская диктатура, а государство, где наполовину господствуют капиталисты? Кто так отважился когда-нибудь сказать твердо? Никто. Почему никто не сказал? Потому, что нелепость этого утверждения была бы сразу видна. Несомненно, не все массы втянуты в дело управления государством, далеко не каждая „кухарка“ „научилась управлять“ им. Это совершенно верно. Что перед нами величайшая задача борьбы с бюрократизмом, борьбы за то, чтобы втягивать все более широкие слои рабочего класса, — это верно. Мы были бы последними кретинами, если бы сказали, что все здесь сделано и все хорошо обстоит. Но позвольте! Мог бы кто-нибудь сказать на этом основании, что по задачам госвласти у нас пролетарская диктатура, а по отношениям между людьми у нас не пролетарская диктатура, а наполовину пролетарская, наполовину капиталистическая? Ну-ка, попробуй кто-нибудь это сказать!

Тип государства у нас новый, его Ленин определил, как новый тип пролетарского советского государства, хотя и с бюрократическим извращением. Но эта пролетарская диктатура в своем внутреннем механизме может быть более совершенной, более развернутой, более развитой и менее совершенной, менее развитой. В каждый данный

момент она не представляет собою совершенства последнего слова „идеальной“ пролетарской диктатуры. Это мы можем сказать наверняка. Но так же обстоит дело и с государственной промышленностью. По типу своему она *социалистическая*, потому что основной вопрос о собственности решен по-пролетарски. Это *главное*, этим *все* решается. И если у нас еще не весь рабочий класс втянут в управление и есть деления между „хозяйственниками“ и „не-хозяйственниками“, то это известные *противоречия в среде самого рабочего класса*, а вовсе не элемент *капиталистических* отношений.

Я вам приведу такой пример. У нас есть профсоюзы, есть наши хозяйственники, есть партия, в партии есть разные прослойки, тоже разные ступени партийной лестницы, ЦК, про который говорят: „Цека играет человеком, она коварна и сильна“. Потом есть партийный середняк и так называемые партийные „низы“. Из чего это проистекает? Из того, что у нас еще большая *культурная неоднородность всего рабочего класса*.

Но согласитесь, что если последовательно развивать аргументацию тов. Кеменова, то нужно прийти к следующим заключениям: так как у нас внутри партии есть такая градация разных партийных „чинов и орденов“, то и в нашей партии есть, несомненно, элементы партийного или государственного капитализма.

Рабочий класс имеет различные прослойки. У нас есть профсоюзники, с одной стороны, и с другой

стороны,—хозяйственники. Рабочий класс выделяет из себя кадр хозяйственников и профсоюзников. На фабрике одни стоят над другими. Это есть деление *внутри рабочего класса*. Рабочий класс не однороден, перед ним чрезвычайно сложные задачи. Дело хозяйственника—следить за тем, чтобы производство поднималось. Он *переборщит*, тогда профсоюзник его *исправляет*. Нельзя говорить, что отношения здесь между людьми такие, которые будут при социализме. При развернутом социалистическом строе, действительно, *не будет* ни партии, ни профсоюзов, а будет равенство функций, различие культурного уровня, в общем, совершенно исчезнет. При коммунизме будет дело обстоит таким образом, что признанных авторитетов в том или другом деле будут „слушаться“ просто так, как мы, например, слушаемся, когда доктор велит нам принимать касторку, и даже не голосуем этого. Точно так же, как всеми признано, что Пушкин—великий стихотворец, а вовсе не будут этого решать голосованием на ячейке: кто за Пушкина, кто против.

Этого не будет. Отношения между людьми будут другие. Мы к этому стремимся, мы за это боремся. Но из всех этих соображений можно ли сделать вывод, что в партии у нас капиталистические отношения, что отношения между хозяйственниками и профсоюзниками госкапиталистические и тому подобную тараканью чепуху? Этого нельзя сказать, это совершенно ни из чего не вытекает.

Из того, что у нас на 8 году пролетарской диктатуры в рамках госпромышленности не вполне социалистические отношения между людьми, вовсе не вытекает то, что эти отношения суть капиталистические. Не все, что не есть полный социализм,— есть капитализм. Нужно же, в конце-концов, понять такую простую вещь, что не все, что не есть полный социализм, есть тем самым госкапитализм или какой бы то ни было капитализм, ибо, кроме полного социализма или госкапитализма, есть еще целый ряд вещей, которые не укладываются ни в ту, ни в другую категорию. Что касается нашей государственной промышленности, то мы видим, что нет абсолютно никаких оснований считать, что она укладывается в категорию государственного капитализма, как это считают товарищи из новой оппозиции.

Я приведу теперь другое заявление, сделанное на съезде, которое я осмеливаюсь сообщить потому, что оно еще не цитировалось. Я возьму выписку из речи т. Глебова-Авилова, который брал слово по докладу т. Томского. Вот что он говорит: „Действительно, вся практика, которую вы проводили со времени XI съезда... (оказывается, что уже нужно делить на „вы“ и „мы“) нашей партии, после того, как на этом съезде приняли резолюцию, написанную т. Лениным, *вся ваша практика со времени этого съезда явилась по существу водой на мельницу не социалистической, а госкапиталистической фабрики*“. Видите, с одной стороны,

делается заявление, что наши предприятия последовательно-социалистического типа, а с другой стороны, оказывается, что во всей нашей политике с XI съезда мы лили воду на мельницу госкапиталистической фабрики. Позвольте, у нас капиталистические фабрики— это частью концессионные, частью арендованные, частью небольшое количество частных. Все вместе они поставляют 5% общего количества продукции. Неужели мы старались, начиная с XI съезда, из-за этих 5%? Никакой дурак этому не поверит. Следовательно, т. Глебов-Авилов прямо говорит, что мы вели такую политику, которая превращала наши государственные фабрики в госкапиталистические,— тут вы и попались! Ибо как раз со времени XI съезда у нас только и пошло возрождение промышленности, которое, по Авилову, падает на госкапитализм. Дальше т. Авилов говорит: „Мы все согласны, что национализированные предприятия являются предприятиями последовательно-социалистического типа“. Откуда же это вдруг ни с того ни с сего следует? Ну, а дальше? Дальше т. Авилов говорит: Какие отношения между фабрикой и рабочим? Коллективные договоры у нас заключаются рабочими через профсоюзы с администрацией, с хозяйственниками. Что отсюда вытекает? Тов. Глебов-Авилов говорит, что такие отношения между хозяйственниками, и рабочими не суть социалистические.

Я вам уже сказал, в каком смысле это нужно понимать. Но сопоставьте это с тем, что т. Глебов-Авилов говорил раньше. „Вы, мол, льете воду на

мельницу госкапитализма“, а коллективный договор заключается рабочими через профсоюзы с администрацией, с хозяйственниками. Формы отношений между ними таковы, что они как раз и выражают это „литье воды“ на мельницу госкапиталистической фабрики. Что же получается? Получается, что отношения между хозяйственниками и рабочими, которые, заключают коллективные договоры, суть *госкапиталистические отношения*. Но если это так, то отсюда вытекает, что хозяйственники наши, по Авилу, суть не известные представители нашего класса, которые поставлены на определенные посты (и которые, как отдельные личности, могут вырождаться, против чего мы должны бороться), а отсюда вытекает, что хозяйственники в своей совокупности суть новый эксплуататорский класс, новый капиталистический слой, и так как хозяйственники фактически распоряжаются нашими предприятиями, а рабочих только нанимают через профсоюзы, то по сути дела у нас имеются капиталистические отношения.

Как мы ставим вопрос насчет отношений между хозяйственниками и профсоюзниками, красными директорами и нанимающимися рабочими? Мы говорим, что у рабочего класса нет еще сил, чтобы *все* управляли, не все одинаково культурны, не каждый рабочий может быть директором, не каждый получил соответствующую сноровку. Ведь, нет ни одного человека, который вышел бы на трибуну, и сказал: товарищи, давайте отменим всех красных директоров и будем решать все технические и коммерческие

вопросы общим собранием рабочих данной фабрики, потому что мы знаем, что тогда мы разрушили бы нашу промышленность. Поэтому мы говорим: вот у нас есть более опытные, более передовые слои рабочих, которые берут к себе в компанию и должны держать в соответствующих рамках известную часть интеллигенции, так называемых спецов, и говорим им от имени рабочего класса: вот вы и ведите дело! Мы знаем, что эта часть нашего собственного класса, поставленная в известные условия, подвергается опасности вырождения, может в известной своей части переродиться. Это — опасность, которую нужно постоянно устранять и с которой нужно бороться. Мы говорим далее, что профсоюзники не должны быть собачкой, которая ходит на задних лапках перед хозяйственником и спрашивает: „Чего изволите?“ Профсоюзная организация должна быть такой организацией, которая смотрит, чтобы хозяйственник *не перегибал палки*. В общей сложности это есть разные части единого пролетарского организма: если правая рука сделает неверно, то левая исправит. Вот как мы смотрим на дело. Есть известное разделение труда *внутри нашего класса*. Из этого разделения вытекает целый ряд опасностей, с которыми мы боремся, но все эти разные группы — сочлены нашего класса, наши представители, наши органы. А как ставит этот вопрос тов. Глебов-Авилов? Разве у него так стоит вопрос? Совсем не так: у него отношения между хозяйственником и нанимающимся рабочим трактуются как

капиталистические отношения, из этого проистекает все остальное.

Само собою разумеется, если вы имеете перед собой отсталый слой рабочего класса, этот отсталый слой менее квалифицирован, а значит и наихудшим образом оплачивается. Этот наихудшим образом оплачиваемый рабочий, в особенности если он вновь приходит на фабрику, получает мало, живет скверно, — начинает ругаться: „Что же это, почти как по-старому, вот у меня семья из 5 человек, получаю 30—40 руб., живу, как собака“. Что мы обычно говорим такому рабочему? Мы ему говорим: мы будем стараться повышать твой заработок, поскольку это возможно, но сейчас повисить много мы еще не можем, потому что сейчас такое-то и такое-то положение. Мы говорим, что единственный выход заключается в том, что нужно поднять нашу промышленность; мы уже шагнули далеко за уровень голодных годов, мы уже имеем значительные успехи. „Если ты говоришь, — говорим ему мы, такому отсталому рабочему, — что ты эксплуатируешься так же, как и раньше, то ты смешиваешь две вещи: плохое житье с правильным пониманием того, что такое эксплуатация. Если раньше капиталист тебя эксплуатировал, с тебя драл, то все это он пропивал и проедал и проживал сам или строил для себя новые фабрики; т. е. все это переходило в руки другого, враждебного тебе класса. А сейчас твоя — и наша общая — беда не в том, что твоя прибавочная ценность попадает в руки другого, враждебного, командующего

класса, а в том, что общий уровень у нас нищенский“. Я всегда вспоминаю, что, когда в 1918 г. приходилось обсуждать такого рода вопросы, я приводил такой пример: скажем у нас есть партизанский отряд, который борется против контрреволюции. Он наг, нищ, бос. У этого партизанского отряда есть командир, который посылает этот отряд на смерть, заставляет людей драться. Они ему подчиняются, они все покрыты вшами, в отрепьях, холодные, голодные, — но они все-таки дерутся. Если бы кто-нибудь из этих партизанов сказал: „Что изменилось? В старой армии нас гнали драться и теперь то же самое. В старой армии мы жили даже лучше, чем теперь“. Могли ли они так говорить? Да, мы знаем, что не только могли, но кое-где и говорили. А все контрреволюционеры такие разговоры поддерживали. Но это было со стороны недовольных партизан неправильно, потому что цели, которые преследовала старая армия и которые преследовали наши партизанские отряды, совершенно различны.

А как обстоит дело в нашей промышленности? Мы сейчас боремся с капиталистическим миром. Мы не можем сейчас сделать так, чтобы всем рабочим сразу жилось хорошо, мы не можем еще всех пропустить через школы и университеты, мы не можем еще всех поголовно втянуть в управление хозяйством, мы не можем всех равно сплотить. Мы постепенно *приближаемся* к этому. Все наши старания направлены на это. Мы берем пачку людей,

проводим их через школы и университеты, другую пачку — путем производственных совещаний — мы воспитываем, потом выделяем так называемых „движенцев“, которых ставим на ответственные посты. Мы делаем все это постепенно. Разве не так, при нашей бедности и безграмотности, мы должны делать, если хотим социалистически воспитывать массы? Конечно, так. И если такому серому рабочему, который мало получает, который не удовлетворен своей жизнью, который говорит, что все у нас, как по-старому, — если мы будем ему поддакивать и говорить: „Да, все по-старому“, — разве мы будем их социалистически воспитывать, разве мы этим делу социализма будем помогать? А ведь только продвигаясь к социализму, мы будем улучшать положение низко оплачиваемых рабочих. Другого пути для этого нет. Поддакивая, мы подрывали бы дело пролетарской диктатуры. Всегда труднее сказать голодному человеку „нет“ и гораздо легче сказать „да“. Разве одни легкие вещи надо объяснять? Иногда и очень трудные вещи мы должны объяснять. Трудно это сделать, но надо. Вопрос об *эксплоатации* непосредственно связан с вопросом о *госкапитализме* в госпромышленности, вопросом, который является сейчас одним из наиболее жгучих вопросов для рабочих. Ведь обычно социалистически-невоспитанный рабочий думает, что раз ему плохо живется, то, значит, его эксплуатируют. На самом деле это далеко не всегда так, и мы должны объяснить рабочему, что эксплуати-

руется он тогда, когда прибавочная ценность поступает в руки враждебного ему, эксплуатирующего и командующего класса; а если она поступает в руки пролетарского государства, которое заботится о рабочих по мере сил, — конечно, делая ошибки и допуская иногда просчеты; если эта прибавочная ценность поступает либо в фонд социалистического накопления, либо идет на школы и больницы, Красную армию и т. д., либо в фонд кредитования маломощных крестьянских хозяйств, которые в конечном счете будут играть роль в деле поднятия госпромышленности, — если это так, то это уже не эксплуатация. Вся беда наша в том, — и на этом часто наигрывает демагогия, — что мы боимся сказать правду, что вдруг, мол, рабочий скажет: „Да какой же это социализм, когда в Америке рабочий получает значительно больше, чем в нашей госпромышленности“. Некоторые боятся сказать рабочему, — а этого не нужно бояться сказать, — что у нас социализм — еще нищенский социализм. У нас государственный аппарат часто работает в 10 раз хуже, чем буржуазный, однако, мы не предполагаем сдать свои позиции буржуазии и не называем его капиталистическим. Наша промышленность гораздо более нищенская, чем капиталистическая, однако, она по своему типу социалистическая, *и мы ее врагу без смертельного боя не сдадим*. Это все знают, что у нас руль повернут в такую сторону, которая в конце-концов обеспечит и гораздо более богатую жизнь, так как социализм — более совершенный

способ производства. Капитализм стоит на закате своих дней, он взрослый, и даже старец, а у нас только зародыш социализма. Подрастет наше дитя и покажет крепкие кулаки. Вот как мы должны объяснять положение вещей отсталым рабочим, а если мы ему этого не объясним, мы его не воспитываем, а разлагаем и подрываем его веру в возможность постройки социализма, подрываем его веру и в советскую власть потому, что если наша главная опора есть наша промышленность и если наша промышленность — не социалистическая, то тогда, значит, мы выражаем волнения капитализма и опираемся на капиталистические отношения. Где же наши надежды? Так нельзя.

Вот, товарищи, как стоит вопрос о госпромышленности.

„Правда“ 12 января 1926 г. № 9.

Вопросник для руководителя.

1. Есть ли отношения двух классов в капиталистических предприятиях?
2. Есть ли отношения двух классов в концессиях и смешанных обществах?
3. Есть ли отношения двух классов в нашей государственной промышленности?
4. Каким образом может промышленность воздействовать на развитие сельского хозяйства?
5. Какой удельный вес в нашем хозяйстве нашей госпромышленности?
6. Какова тенденция развития этого удельного веса?
7. Есть ли эксплуатация в нашей госпромышленности?
8. В чей карман рабочий отдает свой прибавочный продукт?

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОЛЕТАРИИ“

ХАРЬКОВ, ул. Свободной Академии, 5.

СОДЕРЖАНИЕ.

„Госкапитализм“.

	Стр.
Наш рост и трудности, связанные с ним	3
Как мы боремся с нашими трудностями	3
Своеобразие переживаемого момента и наши задачи	4
Корни оппозиции	6
Удельный вес социалистических элементов в нашей промышленности	7
Промышленность — орудие развития производительных сил страны	8
Социальная природа государственной промышленности	9
Оппозиция 1925 г. о социальной природе нашей госпромышленности	11

Отрывки на тему о госкапитализме.

Госкапитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить	15
Два типа производства	17
Изменение в соотношении различных типов нашего хозяйства	21
Собственность есть выражение общественных отношений	28
Вопросник для руководителя	47

К ПРОРАБОТКЕ МАТЕРИАЛОВ

XIV СЪЕЗДА ВКП(б)

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ:

О СЕРЕДНЯКЕ

Стр. 136.

2-е издание

Цена 45 коп.

О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ

Стр. 80.

2-е издание

Цена 25 коп.

XIV СЪЕЗД ВКП(б)

О КООПЕРАЦИИ

РЕКОМЕНДОВАНО АГИТПРОПОМ ЦК КП(б)У

XIV СЪЕЗД ВКП(б)

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

РЕКОМЕНДОВАНО АГИТПРОПОМ ЦК КП(б)У

Цена 25 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10-07.

Москва, Кузнецкий мост, д. 5/15, пом. 15, подъезд 6.
Телефоны: 3-01-99 и 3-17-55.

Ленинград, проспект Володарского, дом № 21.

1176